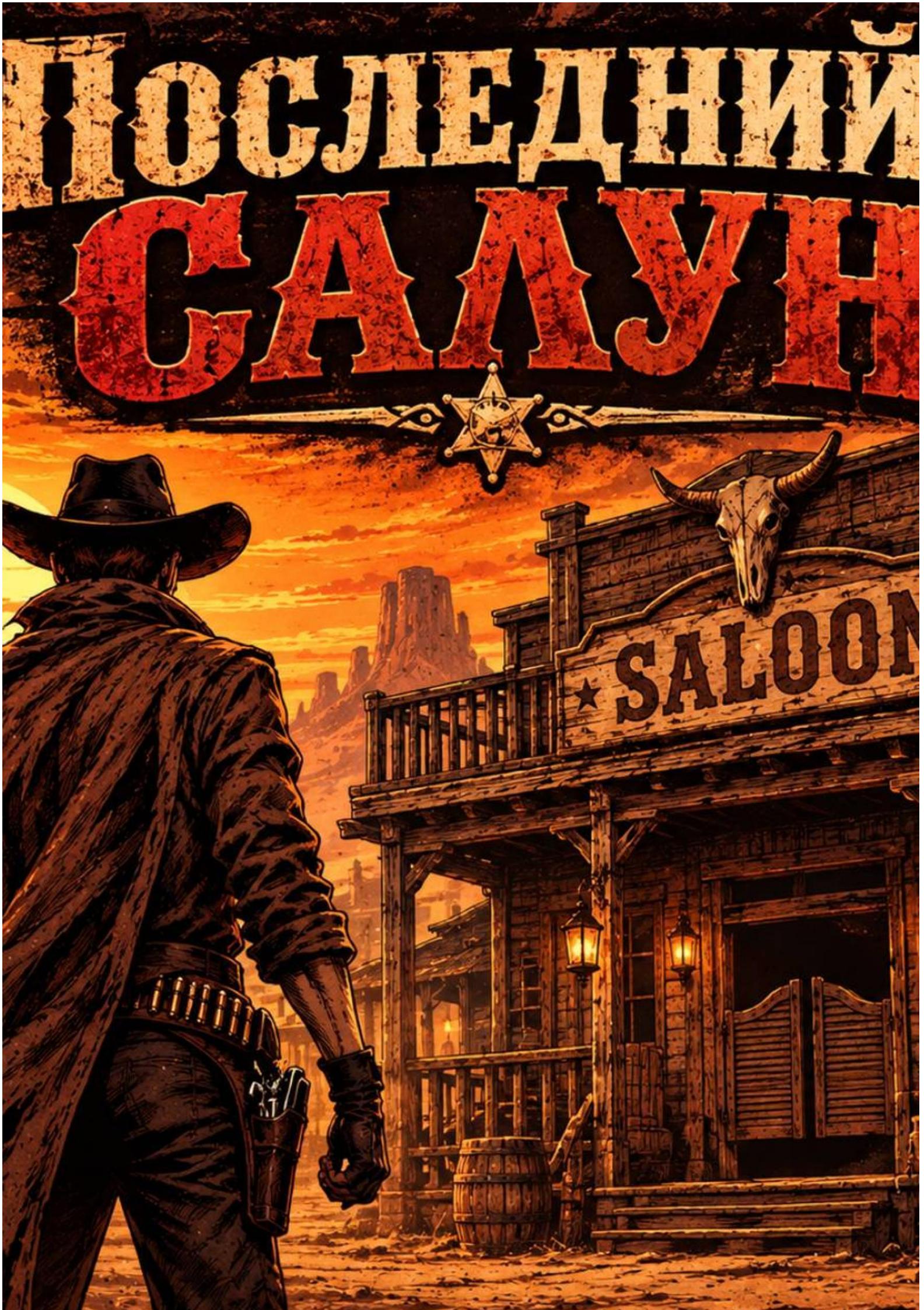

ПОСЛЕДНИЙ
САЛУН
SALOON

Артем Гриднев

Последний салун

«Автор»
2026

Гриднев А.

Последний салун / А. Гриднев — «Автор», 2026

Здравствуй путник. В этой книге ты увидишь как преображается старый салун..

© Гриднев А., 2026
© Автор, 2026

Артем Гриднев
Последний салун

Глава 1. Наследство

Джек Мерсер возвращается в Клей-Крик после смерти отца и получает старый салун «Последний звонок». На пороге его встречает Эвелин Брукс, бывшая управляющая заведением. Она объясняет, что Уильям Кроу, богатый скотовод и хозяин банды «Серые волки», давно пытается завладеть участком. Джек отказывается продавать салун и решает восстановить его.

Утро начиналось с далёкого грохота товарного поезда. Потом просыпалась кузница, хлопали ставни лавки, и над улицей поднималась тонкая пыль. Джек привыкал к ритму Клей-Крик: здесь новости распространялись быстрее почты, а чужую беду замечали раньше, чем чужую радость.

В тот день Джек особенно ясно почувствовал, что события вокруг «Последнего звонка» уже нельзя считать частным спором о собственности. Эвелин проверяла запасы, делала пометки в толстой тетради и спорила с поставщиками так спокойно, что те часто соглашались прежде, чем понимали, что уступили. Она знала цену каждой вещи и каждого обещания. Джек постепенно понял, что без неё салун давно бы закрылся.

Позже, когда в зале стало тише, он вернулся к главному вопросу этой главы. Рут держалась отдельно, но никогда не оставалась равнодушной. Она замечала, кто приходит в салун слишком часто, кто избегает шерифа и кто внезапно перестал платить по счетам. Её прошлое научило её не доверять громким словам. Доверие для неё измерялось поступками.

Эвелин, Рут и Прайс каждый по-своему смотрели на происходящее. Кроу привык, что достаточно произнести его имя, чтобы разговоры стихли. Он покупал долги, раздавал работу, обещал защиту и превращал благодарность в зависимость. Он редко повышал голос: ему нравилось, когда люди сами додумывали угрозу.

Небольшие перемены замечали не сразу. Иногда Джек выходил на веранду после закрытия и смотрел на дорогу. Он вспоминал, как уезжал из Клей-Крик, уверенный, что свобода находится где-то далеко. Теперь он понимал: свобода может начинаться с простого отказа подчиняться чужому страху.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. Утро начиналось с далёкого грохота товарного поезда. Потом просыпалась кузница, хлопали ставни лавки, и над улицей поднималась тонкая пыль. Джек привыкал к ритму Клей-Крик: здесь новости распространялись быстрее почты, а чужую беду замечали раньше, чем чужую радость. Джек не стремился выглядеть героем. Он знал, что героические речи не чинят крышу, не оплачивают муку и не возвращают доверие. Поэтому он работал: принимал товар, мыл пол, проверял счета, разговаривал с фермерами. Каждый обычный день был маленькой победой над теми, кто хотел закрыть двери.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. К вечеру ветер приносил с равнины запах сухой травы и далёкого дождя. Посетители задерживались за столами, рассказывали истории, спорили о лошадях и ценах на зерно. Джек слушал их и видел, как меняется город: люди снова позволяли себе строить планы. Эвелин проверяла запасы, делала пометки в толстой тетради и спорила с поставщиками так спокойно, что те часто соглашались прежде, чем понимали, что уступили. Она знала цену каждой вещи и каждого обещания. Джек постепенно понял, что без неё салун давно бы закрылся.

На улице тем временем продолжалась обычная жизнь маленького западного города. Шериф Уолтер Прайс приходил ближе к полудню. Он пил чёрный кофе, слушал посетителей и

редко задавал прямые вопросы. За годы службы он научился замечать, когда человек говорит правду, когда врёт, а когда просто слишком боится, чтобы произнести нужные слова. В старой бухгалтерской книге отец отмечал не только деньги. Рядом с некоторыми фамилиями стояли короткие записи: «болен ребёнок», «сгорел сарай», «вернуть после урожая». Джек понял, что книга была памятью о людях, а не просто списком долгов.

Джек старался не забывать, ради чего взялся за это дело. В городе не все поддерживали Джека. Некоторые считали, что лучше принять предложение Кроу и сохранить спокойствие. Другие боялись потерять работу. Джек не осуждал их: страх редко исчезает от одного правильного слова. Он старался дать людям причины поверить, что вместе они сильнее. Джек не стремился выглядеть героем. Он знал, что героические речи не чинят крышу, не оплачивают муку и не возвращают доверие. Поэтому он работал: принимал товар, мыл пол, проверял счета, разговаривал с фермерами. Каждый обычный день был маленькой победой над теми, кто хотел закрыть двери.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. Рут держалась отдельно, но никогда не оставалась равнодушной. Она замечала, кто приходит в салун слишком часто, кто избегает шерифа и кто внезапно перестал платить по счетам. Её прошлое научило её не доверять громким словам. Доверие для неё измерялось поступками.
— Закон не всегда приходит вовремя, — заметил Прайс.

— А что приходит вовремя? — спросил Джек.

— Обычно неприятности. Поэтому люди и должны держаться вместе, пока закон едет по пыльной дороге.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. Джек часто думал об отце. Их последняя ссора казалась теперь мелкой и глупой, но сожаление не могло изменить прошлое. Он мог лишь решить, что делать с тем, что осталось. Салун стал его способом продолжить разговор, который они не успели закончить. К вечеру ветер приносил с равнины запах сухой травы и далёкого дождя. Посетители задерживались за столами, рассказывали истории, спорили о лошадях и ценах на зерно. Джек слушал их и видел, как меняется город: люди снова позволяли себе строить планы.

На улице тем временем продолжалась обычная жизнь маленького западного города. Кроу привык, что достаточно произнести его имя, чтобы разговоры стихли. Он покупал долги, раздавал работу, обещал защиту и превращал благодарность в зависимость. Он редко повышал голос: ему нравилось, когда люди сами додумывали угрозу. Ночью салун звучал иначе. Доски тихо потрескивали, ветер касался ставен, а старые часы отмеряли минуты. Джек иногда спускался вниз и проверял замки. Он больше не боялся каждого шороха, но помнил, какой ценой город вернул себе покой.

Джек старался не забывать, ради чего взялся за это дело. Эвелин проверяла запасы, делала пометки в толстой тетради и спорила с поставщиками так спокойно, что те часто соглашались прежде, чем понимали, что уступили. Она знала цену каждой вещи и каждого обещания. Джек постепенно понял, что без неё салун давно бы закрылся. В старой бухгалтерской книге отец отмечал не только деньги. Рядом с некоторыми фамилиями стояли короткие записи: «болен ребёнок», «сгорел сарай», «вернуть после урожая». Джек понял, что книга была памятью о людях, а не просто списком долгов.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. Иногда Джек выходил на веранду после закрытия и смотрел на дорогу. Он вспоминал, как уезжал из Клей-Крик, уверенный, что свобода находится где-то далеко. Теперь он понимал: свобода может начинаться с простого отказа подчиняться чужому страху. Джек не стремился выглядеть героем. Он знал, что героические речи не чинят крышу, не оплачивают муку и не

возвращают доверие. Поэтому он работал: принимал товар, мыл пол, проверял счета, разговаривал с фермерами. Каждый обычный день был маленькой победой над теми, кто хотел закрыть двери.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. К вечеру ветер приносил с равнины запах сухой травы и далёкого дождя. Посетители задерживались за столами, рассказывали истории, спорили о лошадях и ценах на зерно. Джек слушал их и видел, как меняется город: люди снова позволяли себе строить планы. В городе не все поддерживали Джека. Некоторые считали, что лучше принять предложение Кроу и сохранить спокойствие. Другие боялись потерять работу. Джек не осуждал их: страх редко исчезает от одного правильного слова. Он старался дать людям причины поверить, что вместе они сильнее.

На улице тем временем продолжалась обычная жизнь маленького западного города. — Ты не можешь спасти каждого, — сказала однажды Эвелин.

— Знаю.

— Тогда почему продолжаешь?

— Потому что если перестать помогать всем, кто не может помочь себе сам, однажды некому будет помочь и нам. В старой бухгалтерской книге отец отмечал не только деньги. Рядом с некоторыми фамилиями стояли короткие записи: «болен ребёнок», «сгорел сарай», «вернуть после урожая». Джек понял, что книга была памятью о людях, а не просто списком долгов.

Джек старался не забывать, ради чего взялся за это дело. В городе не все поддерживали Джека. Некоторые считали, что лучше принять предложение Кроу и сохранить спокойствие. Другие боялись потерять работу. Джек не осуждал их: страх редко исчезает от одного правильного слова. Он старался дать людям причины поверить, что вместе они сильнее. — Закон не всегда приходит вовремя, — заметил Прайс.

— А что приходит вовремя? — спросил Джек.

— Обычно неприятности. Поэтому люди и должны держаться вместе, пока закон едет по пыльной дороге.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. — Ты всё ещё ищешь брата? — спросил Джек.

— Каждый день, — ответила Рут. — Но теперь я ищу не только его. Я хочу, чтобы никто больше не исчезал из-за того, что сильный человек решил переписать правду. — Закон не всегда приходит вовремя, — заметил Прайс.

— А что приходит вовремя? — спросил Джек.

— Обычно неприятности. Поэтому люди и должны держаться вместе, пока закон едет по пыльной дороге.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. Джек часто думал об отце. Их последняя ссора казалась теперь мелкой и глупой, но сожаление не могло изменить прошлое. Он мог лишь решить, что делать с тем, что осталось. Салун стал его способом продолжить разговор, который они не успели закончить. Джек часто думал об отце. Их последняя ссора казалась теперь мелкой и глупой, но сожаление не могло изменить прошлое.

Он мог лишь решить, что делать с тем, что осталось. Салун стал его способом продолжить разговор, который они не успели закончить.

На улице тем временем продолжалась обычная жизнь маленького западного города. Победа над Кроу не должна была превратить жителей в новую толпу мстителей. Джек настаивал, чтобы каждый поступок был проверен, каждое обвинение подтверждено, а каждый свидетель услышан. Он хотел, чтобы порядок отличался от произвола не только именем. Ночью салун звучал иначе. Доски тихо потрескивали, ветер касался ставен, а старые часы отмеряли минуты. Джек иногда спускался вниз и проверял замки. Он больше не боялся каждого шороха, но помнил, какой ценой город вернул себе покой.

Джек старался не забывать, ради чего взялся за это дело. Эвелин проверяла запасы, делала пометки в толстой тетради и спорила с поставщиками так спокойно, что те часто соглашались прежде, чем понимали, что уступили. Она знала цену каждой вещи и каждого обещания. Джек постепенно понял, что без неё салун давно бы закрылся. Ночью салун звучал иначе. Доски тихо потрескивали, ветер касался ставен, а старые часы отмеряли минуты. Джек иногда спускался вниз и проверял замки. Он больше не боялся каждого шороха, но помнил, какой ценой город вернул себе покой.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. Утро начиналось с далёкого грохота товарного поезда. Потом просыпалась кузница, хлопали ставни лавки, и над улицей поднималась тонкая пыль. Джек привыкал к ритму Клей-Крик: здесь новости распространялись быстрее почты, а чужую беду замечали раньше, чем чужую радость. Джек не стремился выглядеть героем. Он знал, что героические речи не чинят крышу, не оплачивают муку и не возвращают доверие. Поэтому он работал: принимал товар, мыл пол, проверял счета, разговаривал с фермерами. Каждый обычный день был маленькой победой над теми, кто хотел закрыть двери.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. К вечеру ветер приносил с равнины запах сухой травы и далёкого дождя. Посетители задерживались за столами, рассказывали истории, спорили о лошадях и ценах на зерно. Джек слушал их и видел, как меняется город: люди снова позволяли себе строить планы. Эвелин проверяла запасы, делала пометки в толстой тетради и спорила с поставщиками так спокойно, что те часто соглашались прежде, чем понимали, что уступили. Она знала цену каждой вещи и каждого обещания. Джек постепенно понял, что без неё салун давно бы закрылся.

На улице тем временем продолжалась обычная жизнь маленького западного города. Шериф Уолтер Прайс приходил ближе к полудню. Он пил чёрный кофе, слушал посетителей и редко задавал прямые вопросы. За годы службы он научился замечать, когда человек говорит правду, когда врёт, а когда просто слишком боится, чтобы произнести нужные слова. В старой бухгалтерской книге отец отмечал не только деньги. Рядом с некоторыми фамилиями стояли короткие записи: «болен ребёнок», «сгорел сарай», «вернуть после урожая». Джек понял, что книга была памятью о людях, а не просто списком долгов.

Джек старался не забывать, ради чего взялся за это дело. В городе не все поддерживали Джека. Некоторые считали, что лучше принять предложение Кроу и сохранить спокойствие. Другие боялись потерять работу. Джек не осуждал их: страх редко исчезает от одного правильного слова. Он старался дать людям причины поверить, что вместе они сильнее. Джек не стремился выглядеть героем. Он знал, что героические речи не чинят крышу, не оплачивают муку и не возвращают доверие. Поэтому он работал: принимал товар, мыл пол, проверял счета, разговаривал с фермерами. Каждый обычный день был маленькой победой над теми, кто хотел закрыть двери.

Вечером Джек снова обходил помещение и проверял, всё ли готово к следующему дню. Рут держалась отдельно, но никогда не оставалась равнодушной. Она замечала, кто приходит в салун слишком часто, кто избегает шерифа и кто внезапно перестал платить по счетам. Её

прошлое научило её не доверять громким словам. Доверие для неё измерялось поступками.
— Закон не всегда приходит вовремя, — заметил Прайс.

— А что приходит вовремя? — спросил Джек.

— Обычно неприятности. Поэтому люди и должны держаться вместе, пока закон едет по пыльной дороге.

Разговор за стойкой неожиданно возвращался к событиям последних недель. Джек часто думал об отце. Их последняя ссора казалась теперь мелкой и глупой, но сожаление не могло изменить прошлое. Он мог лишь решить, что делать с тем, что осталось. Салун стал его способом продолжить разговор, который они не успели закончить. К вечеру ветер приносил с равнины запах сухой травы и далёкого дождя. Посетители задерживались за столами, рассказывали истории, спорили о лошадях и ценах на зерно. Джек слушал их и видел, как меняется город: люди снова позволяли себе строить планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.